

Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
22 October 2018
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Пересмотренные Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 5 статьи 4 Факультативного протокола в отношении сообщения № 2274/2013* ** ***

<i>Сообщение представлено:</i>	Сеймой Тюркан (адвокатом не представлена)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор
<i>Государство-участник:</i>	Турция
<i>Дата сообщения:</i>	26 июня 2012 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое согласно правилу 97 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 19 июля 2013 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	17 июля 2018 года
<i>Тема сообщения:</i>	отказ в приеме в университет автору, которая носила вместо хиджаба парик
<i>Процедурный вопрос:</i>	отсутствие обоснования претензий
<i>Вопросы существа:</i>	отсутствие эффективных средств правовой защиты; гендерная дискриминация; справедливое судебное разбирательство; свобода вероисповедания; право участвовать в ведении государственных дел
<i>Статьи Пакта:</i>	2, 3, 14, 18, 25 и 26
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2 и 3

* Принято Комитетом на его 123-й сессии (2–27 июля 2018 года).

** В рассмотрении сообщения участвовали следующие члены Комитета: Таня Мария Абдо Рочоль, Яд Бен Ашур, Илзе Брандс Кехрис, Сара Кливленд, Ахмед Амин Фаталла, Оливье де Фрувиль, Кристоф Хейнс, Бамариам Койта, Марсиа В.Дж. Кран, Дункан Лаки Мухумуза, Мауро Полити, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Юваль Шани и Марго Ватервал.

*** К настоящим Соображениям прилагается особое мнение члена Комитета Оливье де Фрувиля.

1. Автор сообщения является гражданка Турции Сейма Тюркан 1987 года рождения. Она утверждает, что Турция нарушила ее права по статьям 2, 3, 14, 18, 25 и 26 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для Турции 24 февраля 2007 года. Автор не представлена адвокатом.

Обстоятельства дела

2.1 Автор является мусульманкой, которая носит хиджаб, покрывающий ей волосы и шею в соответствии с ее религиозными убеждениями. В 2006 году она успешно прошла экзамен по отбору и распределению абитуриентов, после которого выпускники средней школы в зависимости от их успехов распределяются по университетам. Она получила право на зачисление на факультет экономики и административных наук кахраманмарашского Университета им. Сютчю Имама. На экзамен по отбору и распределению абитуриентов автор, чтобы прикрыть волосы, надела парик. Хотя это было ей унижительно и некомфортно, у нее не было выбора, ибо по правилам проведения экзамена абитуриентки в хиджабе не допускаются в экзаменационный зал.

2.2 9 мая 2006 года автор внесла плату за обучение и поехала в Университет на регистрацию. Она снова надела парик. На том основании, что ректор Университета дал указание не регистрировать абитуриенток в париках, а она отказалась снять его, два разных факультетских сотрудника отказались зарегистрировать ее в качестве студентки. Автор подчеркивает, что у нее был точно такой же внешний вид, что и тогда, когда ей было позволено явиться на экзамен по отбору и распределению абитуриентов: шея у нее была открыта, а волосы были прикрыты париком. Ее просьба увидеться с начальником регистрационной службы была отклонена.

2.3 7 сентября 2006 года факультет отклонил просьбу отца автора зарегистрировать его дочь, заявив, что студенты высших учебных заведений должны соблюдать правовые регламенты, которые основаны на решениях, принятых в отношении внешности судами более высокой инстанции. После получения предложения Университета возместить плату за обучение 4 октября 2006 года автор направила в Университет письмо с отказом от возмещения, но с просьбой о регистрации в качестве студентки.

2.4 21 октября 2006 года автор подала жалобу во второй административный суд Газиантепа. Она также попросила приостановить исполнение университетского административного распоряжения. Она утверждала, что никакое нормативное положение не запрещает эксплицитно ношение парика и поэтому устное распоряжение ректора носит произвольный характер, ибо из того, что она носит парик, Университет сделал вывод, что это делается по религиозным мотивам. Автор утверждает, что она подверглась дискриминации в отношении ее права на образование, ибо она успешно прошла экзамен по отбору и распределению абитуриентов, но потом ей было отказано в доступе в университет на том лишь основании, что у нее не были видны волосы.

2.5 20 февраля 2007 года второй административный суд Газиантепа отклонил просьбу автора о приостановке исполнения. 16 апреля 2007 года автор представила в тот же суд дополнительные аргументы в отношении ее жалобы, заявив, что в нарушение ее права на справедливое судебное разбирательство она не получила копии документов, представленных Университетом в свою защиту. Она утверждала, что предоставленные Университетом газетные вырезки содержат ее фотографию в хиджабе, которая была сделана на следующий день после ее попытки зарегистрироваться в Университете, и что ее облик на фотографии не соответствует тому, как она выглядела, когда она явилась в Университет. Автор также утверждала, что согласно статьям 13 и 42 Конституции такое фундаментальное право, как право на образование, может быть ограничено только законом.

2.6 7 декабря 2007 года второй административный суд Газиантепа отклонил жалобу автора. Он сослался на постановление Конституционного суда от 9 апреля 1991 года о толковании временной статьи 17 Закона о высшем образовании (Закон № 2547), в котором Конституционный суд заявил, что «в высших учебных заведениях закрытость

шеи и волос никабом или хиджабом по мотивам религиозных убеждений противоречит принципам секуляризма и равенства»¹.

2.7 14 марта 2008 года автор подала апелляцию в Государственный совет. Она утверждала, что второй административный суд Газиантепа совершил ошибку в части фактических обстоятельств дела, ибо решение суда упоминает, что, ходатайствуя о регистрации, она носила хиджаб, тогда как она носила не хиджаб, а парик. Автор также отметила, что из ношения ею парика суд вывел, будто она стремилась обойти принцип секуляризма, хотя она, собственно, никогда и не выражала такого намерения, и поэтому решение об отказе ей в регистрации следует считать произвольным. Автор доказывала, что были нарушены ее права на образование, на свободу выражения мнений, на свободу вероисповедания и на уважение частной жизни, которые защищаются по Пакту и по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

2.8 20 апреля 2011 года автор получила уведомление о том, что 2 марта 2011 года восьмой департамент Государственного совета отклонил ее апелляцию без дальнейших обоснований. Согласно статье 155 (1) турецкой Конституции 1982 года Государственный совет является последней инстанцией по надзору за решениями и постановлениями административных судов.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что государство-участник нарушило ее права по статьям 2, 3, 14, 18, 25 и 26 Пакта.

3.2 Что касается статьи 18 Пакта, то автор утверждает, что ущемление ее права на свободу религии не предписано законом, ибо никакое нормативное положение не запрещает официально хиджаб в государстве-участнике. Автор доказывает, что ношение парика не может быть увязано ни с каким конкретным смыслом, а Университет и отечественные суды, тем не менее, вывели, что она преследовала религиозную и даже политическую цель. Она подчеркнула, что она не пытается оспорить секуляризм в государстве-участнике и не пытается, прикрыв волосы, выдвигать какую-то претензию. Запрещение ее регистрации в Университете нельзя рассматривать как меру, преследующую легитимную цель по смыслу пункта 18, ибо ношение парика нельзя рассматривать как создание угрозы общественной безопасности, здоровью, порядку или нравственности, и ее нельзя обвинить в нарушении прав третьих сторон, ибо ее облик в парике носит совершенно естественный характер.

3.3 Автор утверждает, что государство-участник подвергло ее дискриминации по признаку ее пола и ее религии. Она утверждает, что, несмотря на то, что она прошла такой же экзамен, как и абитуриенты-мужчины, имеющие аналогичные религиозные убеждения, ей на протяжении пяти лет даже не было позволено поступить в Университет. Поскольку у нее нет другой альтернативы для получения высшего образования, она была вынуждена оставаться дома. Автор указывает, что запрет на хиджабы несоразмерно сильно затрагивает мусульманок и приводит к неравенству с точки зрения доступа к образованию, занятости и участию в публичной

¹ По словам автора, до 1991 года в высших учебных заведениях государства-участника не было явного запрета на ношение хиджаба. Статья 17 Закона № 2547 вступила в силу 25 октября 1990 года. Как она предусматривает, «в высших учебных заведениях выбор одежды должен быть свободным при условии, что это не противоречит действующим законам». 31 июля 1991 года Конституционный суд решил, что это положение носит конституционный характер, но постановил, что закрытость шеи и волос хиджабом по религиозным соображениям не следует рассматривать как защищенное, так как это идет вразрез с принципом секуляризма, провозглашенным в Конституции. По мнению автора, строгий запрет на хиджабы был введен в 1997 году циркулярами, выпущенными Советом по высшему образованию на имя ректоров университетов, что привело к фактическому запрету на хиджабы в университетах без какого-либо официального нормативного положения.

жизни². Она также утверждает, что суды неэффективны в защите женщин, носящих хиджабы, от дискриминации, поскольку они испытывают влияние правительства и военных и опираются на юриспруденцию Конституционного суда. Автор утверждает, что государство-участник нарушило статьи 2, 3, 25 и 26 Пакта.

3.4 Автор утверждает, что государство-участник нарушило статью 14 Пакта. Она утверждает, что в нарушение ее права защищать себя ей не были переданы до слушаний добавления, представленные Университетом во второй административный суд Газиантепа в качестве доказательств. Она также утверждает, что суды не ответили на ее заявления о том, что были нарушены ее права по Пакту, и что продолжительность разбирательства превысила разумные сроки, поскольку для принятия решения по ее апелляции Государственному совету потребовалось пять лет.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа

4.1 В вербальной ноте от 20 января 2014 года государство-участник представило свои замечания по сообщению с уточнением обстоятельств дела и соответствующих конституционных положений. Государство-участник утверждает, что Университет отказал автору в регистрации в соответствии с действующими правовыми положениями и постановлениями Конституционного суда, которые носят обязывающий характер. Регистрационный сотрудник попросил автора соблюдать действующие правила в отношении одежды и внешнего вида и снять парик, который она носила по религиозным соображениям. Поскольку она отказалась это сделать, ее просьба о регистрации была отклонена. Соблюдение национального законодательства в отношении одежды и внешнего вида, установленного на основе постановлений вышестоящих судов, перечислено в разделе «Требования в отношении регистрации» Руководства 2006 года об отборе и распределении абитуриентов и о программах и квотах в сфере высшего образования. Законность такого административного регламента была подтверждена вторым административным судом Газиантепа в его решении от 7 декабря 2007 года. Суд постановил, что правила в отношении одежды и внешнего вида, принятые высшими учебными заведениями в соответствии с Законом № 2547, являются обязательными.

4.2 Государство-участник отмечает, что 25 февраля 2011 года и 12 июля 2012 года в Закон № 2547 были внесены поправки. Согласно новым положениям студенты, покинувшие высшие учебные заведения по своей собственной воле; студенты, отчисленные по какой-либо причине, кроме как за совершение преступлений, связанных с терроризмом; и абитуриенты, которые не зарегистрировались, получив право на зачисление в высшее учебное заведение, имеют право подать заявление в соответствующее заведение и продолжить свое образование в следующем учебном году. Согласно этим поправкам, автор имеет право на зачисление и на продолжение своего образования в кахраманмарашском Университете им. Сютчю Имама, если подаст заявление в администрацию Университета. Государство-участник утверждает, что права автора нарушены не были. Государство-участник также утверждает, что, даже если имело место нарушение, сейчас автор имеет право потребовать материальное возмещение, и она была уведомлена администрацией Университета о такой возможности письмом от 19 сентября 2013 года. С учетом вышесказанного государство-участник заключает, что сообщение следует признать неприемлемым,

² Как указывает автор, опрос, проведенный 12 марта 2007 года газетой «Миллиет»/исследовательским центром Конда, показывает, что в Турции 69,4% женщин вне дома обычно покрывают голову. По данным этого исследования, из 22 млн турецких женщин в возрасте старше 17 лет около 14 млн покрывают голову вне дома. Она ссылается на исследование «Завуалированная чадрой реальность Турции» (Стамбул, Хазар, 2007 год), согласно которому 70,8% женщин, которые были вынуждены снять хиджаб из боязни утратить свои права, чувствуют, что у них ранена их «индивидуальность», а 63,2% – чувствуют себя оскорбленными. Автор также приводит примеры дискриминации женщин в сфере трудоустройства по причине того, что они носят хиджаб. Согласно тому же исследованию, 20,8% женщин с покрытой головой не могут найти себе работу, 17,8% женщин из-за хиджаба вынуждены держаться в тени на рабочем месте, а 17,1%, если желают носить хиджаб, вынуждены заниматься работами, которые не соответствуют их профессии.

поскольку претензии автора уже не имеют правового основания с учетом соответствующих законодательных изменений.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа

5.1 27 февраля 2014 года автор заявила, что, несмотря на законодательные поправки, упомянутые государством-участником, ее права, нарушенные в 2006 году отказом Университета в ее регистрации, невозможно восстановить. Если бы она была должным образом зарегистрирована, она бы закончила учебу в 2011 году, а с учетом истории ее академической успеваемости и ее хорошего владения английским языком она теперь уже работала бы в финансовом учреждении. Кроме того, законодательные поправки, упомянутые государством-участником, не могут гарантировать, что, если она начнет свое университетское образование, она не подвергнется аналогичным нарушениям в будущем. Автор утверждает, что каких-то четких правовых положений о запрещении хиджабов не существует, и с годами практика неоднократно менялась. Она на конкретных примерах демонстрирует, как запрет на хиджабы практиковался в 1987 году, не применялся с 1988 по 1997 год, а потом стал вновь реализовываться в 1997 году. С 2014 года действует фактическое снятие запрета на хиджабы, но без каких-либо правовых положений, препятствующих его восстановление в будущем. Автор также утверждает, что поправки к Закону № 2547, введенные Законом № 6111 и Законом № 6353 и упомянутые государством-участником, касаются общей студенческой амнистии, а не проблемы хиджабов, и поэтому не корректируют то обращение, которому она подверглась. Она добавляет, что, потеряв восемь лет с тех пор, как она впервые попыталась поступить в Университет, она уже не может поступить в высшее учебное заведение и останется выпускницей средней школы.

5.2 Автор утверждает, что второй административный суд Газиантепа не принял во внимание то обстоятельство, что она носила не хиджаб, а парик, и заявляет, что в подобных случаях судьи не желали признавать нарушение из опасения последствий.

5.3 В ответ на то, что государство-участник опирается на Конституцию, автор заявляет, что она подверглась дискриминации по причине религиозных убеждений в нарушение статьи 10 Конституции, поскольку она прикрывает свои волосы. Поскольку она прикрывает свои волосы, она была отстранена от учебы в отличие от других, кто сдал тот же самый вступительный экзамен. Кроме того, реализуемым в стране запретом на хиджаб было нарушено ее право на неприкосновенность частной жизни по статье 20 Конституции. Она также утверждает, что запретом на ношение хиджаба из религиозных убеждений было нарушено ее право на свободу религии по статье 24 Конституции, отмечая, что такой запрет не распространяется на людей, которые носят головные платки из-за того, что болеют раком или имеют лысину. Автор далее утверждает, что, поскольку ей не было позволено заходить в университетские помещения и говорить за нее с администрацией пришлось ее отцу, было нарушено ее право на свободу мысли и убеждений по статье 25 Конституции, а поскольку ей не было позволено учиться, было нарушено также ее право на образование по статье 42 Конституции. Она утверждает, что ограничение на ношение хиджабов, предусмотренное Руководством об отборе и распределении абитуриентов и о программах и квотах в сфере высшего образования, противоречит Конституции и Закону о высшем образовании.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры определить, является ли сообщение приемлемым по Факультативному протоколу.

6.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. В отсутствие каких-либо возражений государства-участника по этому вопросу Комитет считает, что пункт 2 b) статьи 5 не препятствует ему рассматривать настоящее сообщение.

6.4 Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что в настоящее время автор не имеет статуса жертвы, поскольку поправки 2011 года к Закону № 2547 позволяют ей записаться в университет и потребовать материальное возмещение, и в 2013 году она была уведомлена о такой возможности. Комитет также отмечает, что государство-участник не уточняет значение или содержание понятия «материальное» возмещение. Он далее отмечает ответ автора о том, что между ее первой попыткой поступить в университет 2006 году и уведомлением ее в 2013 году о том, что она имеет новую возможность сделать это, она потеряла восемь лет с точки зрения возможности записаться в университет и воспользоваться экономическими и трудовыми преимуществами, связанными с получением университетского образования, и теперь у нее уже нет возможности проходить обучение в университете. Комитет отмечает, что, даже если автор в конечном счете получила возможность для поступления, это не меняет существо жалобы автора, касающейся отказа в регистрации в 2006 году по той причине, что ее волосы были прикрыты по религиозным соображениям, и понесенного ею в результате этого ущерба. Комитет также отмечает, что ущерб, причиненный автору, не был компенсирован. Поэтому Комитет считает, что автор по-прежнему является жертвой по смыслу статей 1 и 2 Факультативного протокола.

6.5 Комитет отмечает утверждение автора о том, что ее права по статье 2 Пакта были нарушены, поскольку национальные суды действовали под политическим влиянием. Комитет напоминает, что статья 2 Пакта, в которой закреплены общие обязательства государств-участников, может использоваться отдельными лицами только в сочетании с другими статьями Пакта и не может как таковая и сама по себе служить основанием для претензии по Факультативному протоколу³. Таким образом, Комитет считает эту часть сообщения неприемлемой по статье 3 Факультативного протокола.

6.6 Что касается жалобы автора по статье 14 Пакта, то Комитет отмечает, что автор не приводит достаточных сведений относительно того, что второй административный суд Газиантепа якобы не препроводил ей добавления, представленные суду Университетом в свою защиту, или относительно ее жалобы на то, что суды действовали неэффективно в плане защиты ее прав по той причине, что они находились под политическим влиянием. Поэтому Комитет признает эту часть сообщения недостаточно обоснованной и неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

6.7 Комитет отмечает, что автор не предоставила достаточных сведений для обоснования своей претензии по статье 25 Пакта. В отсутствие в деле всякой дальнейшей информации или разъяснений Комитет признает эту часть сообщения недостаточно обоснованной и неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

6.8 Комитет считает, что автор достаточно обосновала остальные претензии по статьям 3, 18 и 26 Пакта для цели приемлемости. Поэтому он признает сообщение приемлемым. Хотя автор, как представляется, ссылается на статью 3 Пакта в отдельности, Комитет отмечает, что, судя по материалам дела, ее следует рассматривать в сочетании со статьей 18 Пакта, и поэтому приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

7.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

³ См. *А.П. против Украины* (CCPR/C/105/D/1834/2008), пункт 8.5; и *А.В.К. против Новой Зеландии* (CCPR/C/112/D/1998/2010), пункт 9.4.

7.2 Комитет отмечает жалобу автора по статье 18 Пакта на то, что ей не было позволено зарегистрироваться и учиться в кахраманмарашском Университете им. Сютчу Имама, куда она была должным образом допущена в результате конкурсной экзаменационной процедуры, поскольку, чтобы прикрыть волосы, у нее вместо хиджаба был надет парик. Автор утверждает, что тем самым власти ввели ограничение в отношении ее права на свободу религии. Комитет отмечает жалобу автора на то, что соответствующее ограничение не было предписано законом, а также не является необходимым для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или нравственности либо основных прав и свобод других лиц, как предусмотрено в пункте 3 статьи 18 Пакта.

7.3 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 22 (1993) о праве на свободу мысли, совести и религии, в котором он отметил, что соблюдение и исповедование религии или убеждений может включать, среди прочего, ношение отличительной одежды или головных уборов. Комитет отмечает, что, хотя автор носила не хиджаб, а парик, она заявляет, что сделала это, чтобы прикрыть свои волосы в соответствии со своими религиозными убеждениями. Комитет далее отмечает утверждение автора о том, что на основе факта ношения ею парика Университет пришел к выводу о том, что это было сделано по религиозным мотивам, и что ей было отказано в регистрации по религиозным соображениям. Автор далее утверждает, что такой запрет не распространяется на людей, носящих парики из-за того, что они болеют раком или имеют лысину. Государство-участник не опровергает эти аргументы. Комитет считает, что, хотя парик не имеет общепризнанного религиозного смысла или значимости в мусульманской вере, цель, с которой автор использовала его, а именно чтобы прикрыть свои волосы по религиозным мотивам, и причины такого ограничения приводят к тому, что рассматриваемое дело подпадает под сферу охвата пункта 1 статьи 18 Пакта. Поэтому он считает, что отказ в регистрации автора в Университете по причине того, что она носила парик с целью прикрыть свои волосы по религиозным мотивам, представляет собой ограничение ее права демонстрировать свою религию.

7.4 Пункт 3 статьи 18 Пакта допускает ограничения свободы демонстрировать свою религию или убеждения, только если такие ограничения предписаны законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Комитет напоминает свою предыдущие решения о том, что положения пункта 3 статьи 18 должны толковаться строго. Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны. Ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом⁴.

7.5 В данном случае в связи с требованием о том, чтобы ограничение было предписано законом, Комитет отмечает утверждение автора о том, что ни ношение парика, ни ношение хиджаба юридически не запрещено. Комитет также отмечает довод государства-участника о том, что ограничение на ношение хиджабов в университетах было закреплено в Руководстве 2006 года об отборе и распределении абитуриентов и о программах и квотах в сфере высшего образования на основании Закона № 2547 в судебной интерпретации и тем самым было установлено законом. Комитету нет необходимости разрешать эту проблему, поскольку ограничения прав, перечисленных в пункте 1 статьи 18, должны также соответствовать другим требованиям пункта 3 статьи 18.

7.6 Комитет отмечает, что государство-участник не попыталось разъяснить, каким образом ограничение на проявление религии или убеждений удовлетворяет требованиям пункта 3 статьи 18, т. е. служит ли оно законной цели по охране общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц, и как оно необходимо и соразмерно преследуемой цели. Комитет далее отмечает, что такое широкое ограничение, без четкого обоснования его цели, в

⁴ См. замечание общего порядка № 22 Комитета, пункт 8.

несоразмерной степени затронуло автора, которая потеряла возможность получения университетского образования. В этих обстоятельствах Комитет считает, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 18 Пакта.

7.7 Комитет отмечает жалобу автора по статьям 3 и 26 Пакта на то, что ограничение, установленное Университетом в отношении покрытия головы по религиозным мотивам, носило дискриминационный характер по признаку религии и пола, поскольку оно в несоразмерной степени затронуло ее как мусульманку, которая для реализации своих религиозных убеждений решила покрывать свои волосы. Комитет отмечает утверждение автора о том, что ограничение на покрытие головы в университете затронуло бы многих мусульманских студенток в стране, и в результате этого ограничения женщины, покрывающие свои волосы в силу религиозных убеждений, могут фактически быть лишены возможности получения высшего образования в университете, как в случае автора.

7.8 Комитет напоминает о том, что правила, регулирующие одежду, которую должны носить женщины в общественных местах, могут нарушать ряд прав, гарантируемых Пактом, включая недискриминацию⁵. Комитет далее отмечает, что государство-участник не объяснило, каким образом соответствующее ограничение основано на разумных и объективных критериях для достижения цели, являющейся законной в соответствии с Пактом⁶. Комитет заключает, что ограничение на покрытие головы в университете является одной из форм перекрестной дискриминации в отношении автора как мусульманки, которая решила прикрывать свои волосы, и тем самым нарушило статью 26 и статью 3, рассматриваемые совместно со статьей 18 Пакта.

8. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленная ему информация свидетельствует о нарушении государством-участником статей 18 и 26, а также статьи 3, рассматриваемой совместно со статьей 18 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставлять лицам, чьи права по Пакту были нарушены, эффективное средство правовой защиты. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, предоставить г-же Тюрккан адекватную компенсацию, в том числе с учетом потерянных ею возможностей для трудоустройства, и обеспечить, чтобы ей была предоставлена полная возможность продолжить свое высшее образование, если она будет к этому стремиться. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для того, чтобы не допустить совершения аналогичных нарушений в будущем.

10. Памятуя о том, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся на его территории или под его юрисдикцией лицам закрепленные в Пакте права, а также эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о принятых мерах по осуществлению настоящих Соображений Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать настоящие Соображения и обеспечить их широкое распространение на официальном языке государства-участника.

⁵ См. замечание общего порядка Комитета № 28 (2000) о равноправии мужчин и женщин, пункт 13.

⁶ См. замечание общего порядка Комитета № 18 (1989) о недискриминации, пункт 13; и *G. против Австралии* (CCPR/C/119/D/2172/2012), пункт 7.12.

Приложение

[Язык оригинала: французский]

Особое (согласное) мнение Оливье де Фрувиля

1. Я сожалею, что не могу полностью согласиться с аргументами Комитета по этому делу.
2. Конкретный обсуждаемый вопрос – вопрос о ношении религиозных символов в университете и в более широком смысле турецкого секуляризма – является предметом особо ожесточенных споров в турецком обществе на протяжении многих лет. Это должно было побудить Комитет проявить большую осторожность и более подробно рассмотреть контекст и его эволюцию.
3. Прежде всего Комитет должен был бы принять во внимание, как это сделал Европейский суд по правам человека в своем решении по делу *Лейлы Шахин против Турции*¹, истоки и значении турецкого секуляризма. Европейский суд напомнил о том, что Турецкая Республика была создана на основе секуляризма и что период создания Республики был связан с периодом прогресса в отношении прав женщин: «Республиканский идеал был определен с учетом общественной видимости женщин и их активного участия в жизни общества. Поэтому на начальном этапе освобождение женщин от религиозных ограничений и модернизация общества рассматривались вместе»². Первые меры регулирования одежды в государственных учреждениях были частью этой борьбы за защиту ценностей современности, в том числе равных права для мужчин и женщин. Лишь в 1980-х и 1990-х годах дебаты стали более радикальными, и были приняты более жесткие меры, в том числе запрет вуали в университете.
4. Однако приход к власти политической партии ПСР (Партия справедливости и развития) и ее лидера, президента Реджепа Тайипа Эрдогана, привел к принятию диаметрально противоположной политики: от политики, являвшейся открыто враждебной к ношению религиозной одежды, Турция перешла к политике поощрения ношения такой одежды, в частности исламского платка, в том числе в армии, являющейся институтом, который можно рассматривать в качестве верного защитника кемализма и секуляризма.
5. Учитывая меняющийся контекст, неудивительно, что государство-участник даже не пыталось в этом случае защищать ограничительную меру, от которой не только окончательно отказались, но и которая фактически была полностью пересмотрена политикой, идущей в противоположном направлении³. Кроме того, г-н Эрдоган осудил решение Европейского суда по правам человека от 2005 года как противоречащее свободе вероисповедания⁴. Поэтому нет никаких сомнений в том, что решение, принятое сегодня Комитетом, будет скорее приветствоваться властями. Однако проблема заключается именно в этом, поскольку власти пропагандируют консервативный взгляд на религию, который сам по себе противоречит принципу равенства между мужчинами и женщинами, основанному на турецком секуляризме и признанных международных договорах, включая Пакт.
6. Многочисленные заявления, сделанные г-ном Эрдоганом и членами ПСР, показывают, что власти Турции стремятся навязать крайне унижительный и дискриминационный взгляд на женщин, что само по себе несовместимо с Пактом, в

¹ См. Cour européenne des droits de l'homme, *Leyla Şahin c. Turquie* [GC], n° 44774/98, CEDH 2005-XI.

² Ibid., par. 32.

³ См. в этой связи пункт 7.6 Соображений.

⁴ «Премьер-министр Турции осуждает решение ЕСПЧ по вопросу об исламской вуали в университетах», газета «Монд» с агентством Франс Пресс (АФП), 11 ноября 2005 года.

частности его статьей 3, а также статьями 2 и 26⁵. В этом контексте Комитету следовало бы быть более осторожным в своем подходе.

7. По существу я, как и Комитет, убежден в том, что действительно имело место нарушение статьи 18, причем не только в настоящем деле, но и в отношении общего запрета на ношение вуали в университете. Университет является местом, в котором свобода выражения мнений должна пользоваться максимальной защитой. В этом отношении необходимо проводить четкое различие с государственной школой: хотя свобода выражения мнений детей должна быть гарантирована, их следует защищать от любых форм прозелитизма или идеологической обработки. Кроме того, введение правил об одежде также может быть средством защиты детей от дискриминации, особенно в контексте напряженных отношений между различными общинами. Университет, напротив, является местом развития критического мышления: молодые взрослые, которые его посещают, являются достаточно зрелыми, чтобы составить собственное мнение, и столкновение идей, даже экстремальных, тревожащих или шокирующих, является частью обучения⁶. Поэтому ограничения должны рассматриваться в особо ограничительной форме в соответствии с пунктом 3 статьи 19 и статьей 20 Пакта. Что касается одежды, то следует, в частности, проводить различие между платком или тюрбаном и одеждой, полностью закрывающей лицо, например, никабом или паранджой, за ношение которых выступают фундаменталистские группы и которые явно свидетельствуют о дискриминации женщин⁷, независимо от субъективного восприятия и дискурса женщин, которые их носят.

8. В рассматриваемом деле имеет место случай еще более грубого нарушения, поскольку автор носила даже не вуаль, а парик, что свидетельствует о том, что она похвально пыталась найти компромисс между ограничительными правилами и своими религиозными убеждениями. Тот факт, что университетские власти отказали автору в регистрации, пытаясь обнаружить за ношением этого парика практику, противоречащую запрету на ношение вуали, явно представляет собой чрезмерное ограничение в отношении законной цели.

9. Вместе с тем я считаю, что с учетом описанного выше контекста было бы разумнее, если бы Комитет ограничился установлением нарушения статьи 18 по причине отсутствия правовой основы для ограничения. Фактически правила, которые действовали в университете в то время, основывались на решении Конституционного суда, запрещающем носить вуаль на основе религиозных убеждений. Поэтому данный запрет не касался ношения парика. Уже лишь на этом основании отказ в регистрации мог быть признан противоречащим статье 18 (поскольку пункт 3 этой статьи требует, чтобы любое ограничение свободы религии было «предусмотрено законом»). Аналогичным образом различие, основанное на ношении парика, не могло считаться основанным на «объективных и разумных» критериях и, следовательно, представляло собой нарушение статьи 26 без необходимости в данном случае, рассматривать вопрос о запрете вуали в университете, который больше не является в Турции актуальным.

10. Тем самым Комитет восстановил бы справедливость по отношению к автору, который в данном случае действительно был жертвой и заслуживал возмещения, но при этом избежал бы аргументацию, которая может быть использована для оправдания поощрения политики, радикально противоречащей принципу равенства между мужчинами и женщинами.

⁵ См., например, «Турция: Эрдоган утверждает, что женщины, естественно, не могут быть равны мужчинам», газета «Монд» с АФП, 24 ноября 2014 года.

⁶ См. в этой связи мнение судьи Франсуазы Тулкенса по вышеупомянутому делу *Лейлы Шахин*, в частности пункт 19: «Университет дает конкретный опыт свободного знания, освобожденного от всех авторитетных мнений. Это такой опыт, который более эффективно готовит умы к восприятию секуляризма и равенства, чем обязательство, введенное без согласия».

⁷ См. в этой связи особое (несогласное) мнение Яда Бен Ашура, приложенное к Соображениям Комитета по делу *Якер против Франции* (CCPR/C/123/D/2747/2016) и *Хеббадж против Франции* (CCPR/C/123/D/2807/2016). Следует отметить, что я не принимал участия в обсуждении этих двух дел в соответствии с пунктом 1 правила 90 правил Комитета.

11. Наконец, я добавлю два момента, которые больше касаются «юрисдикционной политики», которой должен следовать Комитет. С одной стороны, Комитет должен стремиться обеспечивать соответствие его толкований толкованиям других судов, в том числе региональных⁸, и он может от них отступать только после тщательного рассмотрения и по причинам, позволяющим их отменить, которые желательно разъяснять в разделе о мотивах. Комитет не приложил достаточных усилий, чтобы показать, что в данном случае такие причины существовали и оправдывали принятие позиции, противоречащей позиции Европейского суда по делу *Лейлы Шахин*. С другой стороны, я повторяю то, что я уже сказал в своем особом мнении по делу *Рабба и др. против Нидерландов*: в контексте Пакта – которым и должен руководствоваться Комитет – следует выступать против как религиозного фундаментализма, независимо от лежащей в его основе религии, так и движений и дискурсов, разжигающих ненависть к человеку, и особенно сегодня в Европе – ненависть к исламу и мусульманам⁹. Комитету следует быть внимательным в этом контексте, ставшем более глобальным, в результате чего права человека оказались «между двумя огнями». Он должен не только защищать жертв нарушений, но и обеспечивать, чтобы «ничто в настоящем Пакте не могло толковаться как означающее [...] право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте» (пункт 1 статьи 5).

⁸ См. Cour internationale de Justice, *Ahmadou Sadio Diallo (République de Guinée c. République démocratique du Congo)*, fond, arrêt, C.I.J. Recueil 2010, p. 639, en particulier p. 663 et 664, par. 66.

⁹ *Рабба и др. против Нидерландов* (CCPR/C/117/D/2124/2011).